

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

XX 70
7

ЖУРНАЛ

802-11
90

1925

КНИГА

ТРЕТЬЯ

АПРЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КРАТКАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3

АПРЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ххх ххх

Ритм жизни и творчество.

П. Ю. Швидт.

Ритм, ритмическая повторяемость явлений охватывает весь окружающий нас мир, проникает во все области и составляет едва ли не наиболее распространенный и всеобъемлющий закон естества. Куда ни направим бы мы свои взоры, всюду встречаем мы не безнадежный бесформенный хаос движений, а движения размеренные, ритмичные, часто принимающие характер правильных волн, быстро сменяющих одна другую.

Закон тяготения устанавливает основной ритм движений макрокосма. Извечно несутся сонмы небесных светил по predetermined этим законом кривым, свершая предначертанный цикл в мировом пространстве. Через известный период времени каждое из них возвращается в свое исходное положение и вновь пускается в путь. Пути же их сложны, — скорее бесконечные спирали, чем замкнутые кривые, — каждое из них имеет в мировом пространстве по меньшей мере два движения, а то и более.

И так же ритмичен, как мы теперь знаем, и микрокосм атома. Эта мельчайшая, как недавно еще казалось, неделимая далее частица материи представляется нам теперь в виде сложной солнечной системы, где вокруг центрального положительно заряженного ядра несутся по predetermined орбитам с невероятной быстротою отрицательные электроны — частицы электрической энергии, свершающие ритмически predetermined путь. И не удивительно ли думать, что из мириадов этих ритмически вращающихся частиц слагаются и камни, и воздух, и безбрежное море, и наше тело, и наш мозг, порождающий мысль!

А энергия? Не состоит ли она сплошь из проявлений ритма, прилагаемых к разным субстанциям? Свет, не порождается ли он волнообразными колебаниями эфира, распространяющимися с быстротою 300.000 километров в секунду? Или не состоит ли он, по другому современному учению, по теории квант, из ритмических извержений частиц энергии? Тепло и звук, мы знаем это твердо, не что иное как ритмические колебания материальных частиц, распространяющиеся волнообразно в нашем мире материи. Наконец, и электричество, эта вездесущая энергия, которую объясняется теперь все существующее, не является ли и оно результатом ритмических процессов внутри атомов, выбрасывающих наружу свои электроны?

Итак, со всех сторон окружены мы то частым ритмом, выражающимся в миллионах колебаний в секунду, то ритмом величаво плавным, охватывающим своими размахами периоды в миллионы секунд, иногда—в миллионы лет...

Но не является ли жизнь нарушительницей ритма? Жизнь с ее хаосом движений, действий, чувствований, не вторгается ли властно в мировую гармонию ритмов, не подчиняет ли своей загадочной сущности материю и энергию мироздания? Или же и жизнь подчинена послушно взмахам палочки незримого дирижера — мирового ритма?

На взгляд живое существо несет энергию в себе самом и ею подчиняет себе и своим желаниям окружающую природу, как бы само отбивает такт, которому следует мертвая материя. Но так ли это? Не существует ли ритма жизни, подвластного ритмам материи и энергии?

Как ни странно, этот вопрос не вставал как будто до сих пор перед биологами во всей его философской широте, хотя давно уже физиологи знакомы с длинным рядом ритмических явлений в живом организме.

Нельзя не признать крупной заслуги в этом отношении за нашим талантливым молодым физиологом, Н. Я. Пэрна, который, к несчастью для русской науки, пал жертвою злого недуга в самом начале своей ученой карьеры. В его только что вышедшей посмертным изданием небольшой книжечке¹⁾ мы находим широко задуманную и талантливо осуществленную разработку вопроса о ритме жизни, не только телесной, но и духовной, в ее высшем проявлении — в творчестве. Думаем, что читатели не посетуют на нас за передачу в самых общих чертах, — поскольку позволяет небольшое имеющееся в нашем распоряжении место, — идей и выводов автора.

Предварительно выскажем несколько собственных мыслей о сущности и назначении ритма.

На низших ступенях жизни мы не встречаем ритмических явлений, — по крайней мере, не можем уловить их. У бактерий и амёб движения если и наблюдаются, то не имеют закономерной последовательности. Однако уже у более сложных одноклеточных организмов ритмические явления развиты широко и составляют едва ли не главную сущность их жизни. Так, у ресничных инфузорий все тело покрыто густым лесом ресничек, мерно ударяющих в такт и тем вызывающих движение животного. Каждая ресничка — вырост протоплазматического тела инфузории, содержащий внутри более плотную и эластичную ось. При ударе реснички протоплазма с одной ее стороны сжимается, укорачивается и сгибает внутренний упругий стержень. В следующий момент сила упругости берет свое и выпрямляет ресничку, как выпрямляется пригнутая к земле камышилка. Затем опять через некоторый короткий период времени процесс сокращения повторяется, и получается следующий удар реснички.

Периодичность и ритмическая размеренность явления получается здесь в результате борьбы двух сил, поочередно нарастающих и ослабевающих, — сокращения протоплазмы и эластичности стержня. Но каков смысл этого

¹⁾ Н. Я. Пэрна, Ритм, жизнь и творчество, изд. «Петроград», 1925.

явления? Прежде всего — сложение усилий во времени. Энергия, развиваемая каждым сокращением протоплазмы реснички, бесконечно мала и не могла бы иметь полезного эффекта. Сокращения, следующие быстро друг за другом, слагаются и дают уже нечто более осязаемое. Кроме того — и сложение усилий в пространстве. Реснички, покрывающие тело инфузории, исчисляются тысячами. Если бы каждая из них не действовала строго размеренным темпом, получались бы перебои, — действие одной уничтожалось бы деятельностью другой. Ритмические же удары их действуют совершенно так, как дружные взмахи весел катера при хорошо обученной команде.

Итак, сложение, интеграция бесконечно малых усилий, — вот основная цель и главный смысл ритма, вот что делает его целесообразным приспособлением. И эта целесообразность объясняет нам, почему с развитием и усовершенствованием организации ритмические явления все шире и шире развиваются и становятся основным лейтмотивом всей жизнедеятельности организма.

Наиболее сложный, представляющий собою наивысшее достижение жизни, организм человека, которому посвящена книга Н. Я. Пэрна, весь пронизан бесчисленными ритмами всевозможных жизненных процессов, ритмами весьма различной периодичности. Иногда они мало заметны, вследствие слишком большой быстроты своих колебаний, иногда же, наоборот, — из-за медленности и замаскированности другими не ритмическими процессами. Лишь немногие из них — как биение сердца и пульсацию сосудов — мы улавливаем непосредственным самонаблюдением.

Среди ритмов телесной жизни человека мы различаем прежде всего тканевые ритмы. Из них наиболее важны ритмы мышечной и нервной ткани. Мышечное волокно, этот первоисточник всякого движения в организме человека, — при своем сокращении внешне не обнаруживает ритма. Сокращение его представляется нашему глазу непрерывным и единым явлением. Однако исследование внутренних, протекающих в мышечном волокне при сокращении, процессов показывает, что сокращение слагается из ряда ритмических процессов.

Новейшими приборами, особенно струнным гальванометром, можно точно зарегистрировать электрические процессы, протекающие внутри мышечного волокна, и на получающихся кривых ясно обнаруживается ритмическое нарастание и убывание электрического тока в мышце при ее сокращении. Аппарат вырисовывает ряд равномерных волн, доказывающих, что процесс этот состоит из волнообразных, ритмических колебаний.

При том физиологам, посвятившим много труда исследованию мышечных сокращений, удалось констатировать несколько ритмов различной частоты. Частота естественного мышечного длительного сокращения в лягушечьей мышце — 100 колебаний в секунду, в человеческой мышце — 50 раз в секунду. Кроме того, наблюдается ритм и более медленный — около 10 раз в секунду. Ритм сокращения так называемых гладких мышечных волокон, приводящих в действие кишечник, мочеточники и другие внутренние органы, является гораздо более медленным. Так, кишечник обнаруживает перисталь-

тические сжатия через 5—6 секунд и еще более медленные колебания внутреннего напряжения мышц, так называемые колебания тонуса, через 30—40 секунд.

Близок к мышечному ритму и непосредственно связан с ним ритм процессов, протекающих в нервной клетке и в нервном волокне. Он обнаруживается также электрическими явлениями и по частоте совпадает с мышечным, так что является даже вопрос, не в нем ли следует искать и первоисточник мышечных сокращений.

Подобно тому как из тканей слагаются органы, так из тканевых ритмов слагаются ритмы органов. Ритм сокращений сердца имеет своей причиной ритм мышц и нервов его. Точно так же — и сокращение сосудов, играющее не малую роль в кровообращении, и ритмическая деятельность дыхательной системы.

В деятельности пищеварительной системы, кроме указанных ритмов гладких мышц, наблюдается и ритмическая деятельность пищеварительных желез — печени и поджелудочной железы. Кроме того, при отсутствии в кишечнике пищи, наблюдается своеобразный, очень медленный ритм деятельности всей пищеварительной системы. Именно, через полтора-два часа начинается совместная деятельность всех органов: сокращаются стенки желудка, выделяется желчь и поджелудочный сок и сок кишечных желез. Такая совместная работа длится 15—20 минут, затем прекращается, чтобы через установленный срок начаться снова.

Обнаруживается ритм и во многих процессах деятельности нервной системы, но ритмичность их пока еще мало подвергалась исследованию. Некоторые нервные явления, впрочем, хорошо всем известны, как периодические и ритмичные. Таковы ритмические колебания болевых ощущений, например, при зубной боли и при ревматизме, периодические родовые схватки и протекающие нередко с длительными периодами приступы мигрени.

Уже этот краткий обзор ритмов тканей и органов человеческого организма показывает, что вся его жизнедеятельность сплетена из бесчисленных разнообразнейших ритмов, налагающихся друг на друга. Но, кроме того, обнаруживаются и биологические ритмы с более длительной периодичностью, с суточными или месячными колебаниями.

К суточным колебаниям жизни относится прежде всего смена сна и бодрствования. Существует мнение, что периодическое наступление сна есть приспособление к условиям среды — к наступлению ночного времени, неблагоприятного для жизни, — или же, что сон есть следствие усталости организма. Н. Я. Пэрна отвергает эти оба взгляда и рассматривает сон и бодрствование, как две равноценные фазы жизни, проявляющиеся не только в нервной системе, но и во всем организме, как целом. Мы не можем здесь подробно останавливаться на его доводах и отсылаем интересующихся как к цитированной выше книге, так и к, еще более подробно трактующей этот вопрос, изданной им при жизни ¹⁾.

¹⁾ Н. Я. Пэрна, Сон и его значение, изд. «Полярная Звезда», 1923.

Ритмичность сна и бодрствования во всяком случае не может подлежать сомнению и для каждого очевидна. В состоянии как сна, так и бодрствования обнаруживается и некоторое волнообразное нарастание и падение. Так, глубина сна неодинакова в разные часы, — она наибольшая через 1 — 2 часа после засыпания, затем круто убывает, и через 5 — 6 часов после засыпания сон становится наиболее чутким, а затем опять вторично начинается углубление его, но гораздо меньшее, чем первое.

Точно так же и во время бодрствования острота внимания и способность к отчетливой деятельности неодинаковы. Издавна известно, что внимание наиболее обострено в утренние, предобеденные часы. После полудня оно недостаточно остро, сознание немного туманно, позыв к деятельности не так отчетлив. Педагоги также замечают, что внимание учеников наиболее резко в утренние часы и падает после полудня, особенно после 4-го урока.

Другое явление жизни с суточным ритмом — колебание температуры тела. Температура достигает максимума около 6 часов вечера, после чего начинает понижаться и имеет минимум около 4-х часов утра, когда начинается новое повышение. Размах колебания между максимумом и минимумом составляет около 1°C. Некоторое незначительное влияние на температуру тела имеет дневная работа, вызывающая небольшое повышение, и момент засыпания, когда наблюдается резкий скачок вниз, но общий суточный ход температуры не зависит ни от сна, ни от бодрствования.

Существуют наблюдения и относительно некоторых других суточных колебаний, например — над изменением частоты пульса, изменением состава мочи и пр. Имеется, повидному, некоторый суточный ход и психологических процессов, как можно судить по тому, что наблюдаются суточные колебания скорости забывания. При исследовании скорости забывания какого-нибудь заученного отрывка или стихотворения или просто бессмысленного сочетания слогов можно заметить, что в первые часы забываемость идет очень быстро, затем все медленнее, но далее, приблизительно через сутки, опять замечается некоторое освежение в памяти, так что через 24 часа после заучивания вспоминается лучше, чем через 12 часов. Ясно, что процессы, которые лежат в основе памяти, протекают с колебаниями, имеющими примерно суточный ход.

Кроме суточного ритма, в жизни человеческого организма наблюдается явление и с ритмом еще более медленным — месячным.

Наиболее известны в этом отношении изменения женского организма, выражающиеся в месячных очищениях. По новейшим взглядам, причина их лежит не в местных изменениях полового аппарата, а в правильных, периодических изменениях всего тела — в изменениях пульса, дыхания, температуры тела, кровяного давления, обмена веществ, совершающихся соответственно «менструальной волне». Все органы принимают в этих изменениях участие, и изменения в половом аппарате являются лишь частным случаем общих колебаний с ритмом в 28 дней.

По исследованиям Н. Я. Пэрна, нечто подобное наблюдается и у мужчин. Главный источник, послуживший для его выводов — его собственный

дневник, представляющий собою человеческий документ, вообще совершенно исключительный, в смысле проведенного с поразжающей выдержкой научного самонаблюдения. В течение 18 лет, изо-дня в день, без единого пропуска, почти машинально, отмечались им особыми значками и обозначениями все интимнейшие явления внутренней жизни, переживания и настроения. Особенно отмечались все изменения в эмоциональной, главным образом сексуальной сфере, и изменения в сфере интеллектуальной. Наблюдения эти велись первоначально безо всякого преднамеренного плана и даже без идеи о какой-нибудь возможной закономерности, и только через 18 лет были обработаны статистическим методом. Они являются, таким образом, в достаточной мере объективными.

Исследуя по своим записям периодичность повышения сексуальной восприимчивости, сопровождавшейся или не сопровождавшейся тем или иным физиологическим эффектом, Н. Я. Пэрна установил, что наиболее часто такая восприимчивость наблюдается через промежуток в 7, в 14, в 21 и в 28 дней (а также в 30 дней). Данные за 18 лет, нанесенные в виде кривой, выразились рядом резких под'емов в эти сроки. Детальное исследование таких кривых еще более делает ясным, что существует некоторая недельная периодичность, зависящая не от внешних, а от каких-то внутренних, автономных причин. И если эта периодичность у мужчины не всегда так резко заметна, как в жизни женщины, то это зависит от затемнения ее внешними причинами и от того обстоятельства, что нередко в данном организме одновременно протекают несколько несовпадающих друг с другом периодических процессов того же характера, налагающихся друг на друга и затемняющих картину.

Не менее интересны результаты исследований и второй группы фактов, зарегистрированных в том же дневнике, — колебаний в интеллектуальной сфере. В нем отмечались те дни, когда внезапно появлялась та или иная идея, или когда тот или иной вопрос вдруг становился ясным, или вообще констатировалась повышенная склонность к обдумыванию, к созерцанию или к сочинительству. Точно так же, как и в первом случае, определялись промежутки между такими днями с записями, отмечающими это повышение интеллектуальной деятельности, и подсчитывалась частота этих промежутков. И опять соответствующие цифры подсчета и построенные кривые показали резкий под'ем интеллектуальной деятельности через 7, 14, 21 и 28 дней.

Те же результаты получились при исследовании дневника за несколько лет, принадлежавшего другому лицу, которое заносило также все свои мысли, приходившие в голову. В этом случае удалось даже констатировать, что часто мысли на одну какую-нибудь тему или по определенному вопросу приходят в голову через недельные промежутки. Такое «выплывание мыслей», занимавших внимание ранее, но затем оставленных, — явление, известное каждому интеллектуальному деятелю, писателю и художнику. Наблюдения Н. Я. Пэрна проливают новый свет на это явление из области подсознательного. Они показывают, что такое «выплывание мыслей» подчинено некоторой закономерности. Эта закономерность может быть сведена к тому, что само мы-

шление есть волнообразный процесс. Гребни волн время от времени вдаются в поле нашего сознания и улавливаются нами, как «мысли».

Но, если недельный ритм (и соответственно — 14, 21 и 28 дневный) наблюдается в половой сфере и в совершенно от нее не зависимой — сфере высшей психической деятельности, если тот же ритм может быть констатирован и в некоторых болезненных процессах, зависящих от расстройств всего организма (к таким болезням относится маниакально-депрессивное помешательство, невралгии, эпилепсия, мигрень, периодические параличи и различные проявления неврастении), то не следует ли признать, что причины его лежат в общей жизни всего тела? Все тело, как совокупность, как синтез, как интеграл всех органов и тканей, как некая самодовлеющая единица, обнаруживает ритмичную периодичность в своей жизни, проявляющуюся в самых различных сферах его деятельности.

Биологический ритм суточный и месячный соответствует периодам обращения Земли вокруг своей оси и Луны вокруг Земли, — не стоит ли он в связи с этими космическими явлениями, как это часто и принимается по отношению к периодичности месячных очищений? Некоторое влияние космических причин нельзя здесь отрицать, но все же главное значение имеет самостоятельная тенденция организма к волнообразному течению. Сами жизненные процессы, протекая ритмически, образуют волны, которые, слагаясь и интерферируя, порождают колебания более крупного масштаба — длительные циклы.

Но если это так, то не наблюдается ли и дальнейшее сложение волн, образование еще более крупных колебаний, колебаний с большими размахом, более длительных циклов?

Н. Я. Пэрна приводит целый ряд доказательств тому, что так оно и есть на самом деле. Жизнь человека сама есть волнообразный процесс. В ней можно уловить волны с периодом в 6—7 лет, и с каждой такой волной человек как бы переходит в новую фазу жизни, с каждой волной он как бы заканчивает один цикл и вступает в другой.

Наблюдения его касаются прежде всего собственного подробного дневника, который велся им в течение 18 лет, при чем в нем записывались все мысли и внутренние переживания. Исследовав записи прежде всего с точки зрения частоты и объема их, он заметил, что в некоторые годы записи были обильны и занимали большое число страниц, в другие — малочисленны и коротки. Когда были составлены кривые частоты записей, числа написанных страниц и количества «новых» мыслей, встречавшихся в записях, то обнаружилось, что все эти три кривые согласно показывают повышение в определенные годы, а именно в годы, соответствовавшие возрасту в 19 лет, 26 лет и в 32 года. Промежутки соответствовали примерно $6\frac{1}{4}$ года. При том в годы подъема кривых в записях преобладали ноты бодрости, самоуверенности, и вообще замечалась яркость душевной жизни, тогда как в промежуточные годы высказывалась неуверенность в своих силах и равнодушие.

Обращаясь к исследованию более раннего периода жизни, до начала дневника, он констатировал, что 7-ой и 13-ый год жизни также отличались

некоторым повышением интеллектуальной деятельности. Так, к 7-му году жизни относилось наибольшее число сохранившихся в памяти воспоминаний, на 13-й же году наблюдалось увлечение коллекционированием и рисованием, и к этому же году было приурочено первое сексуальное переживание.

Конечно, результаты, полученные над одним лицом, — к тому же путем самонаблюдения, объективность коего всегда может быть заподозрена, — не имели бы большой цены, если бы не находили себе подтверждения в других более объективных данных.

К таким данным относятся, прежде всего, наблюдения над детьми, производившиеся многими исследователями детского возраста с самых различных точек зрения. Так, исследования над ростом и весом детей показывают, что наблюдается период особенно усиленного, скачкообразного развития их между 7 — 9 и между 13 — 17 годами. Затем измерения различных психических способностей детей, например, тонкости мышечного чувства, времени психических реакций, внушаемости, а также исследование рисунков детей и детских игр, указывают довольно согласно на существование двух узловых точек — в 6 — 7 и в 12 — 13 лет, когда наблюдается или некоторая задержка, или некоторый перелом и как бы переход к новому циклу. Еще больший перелом составляют период достижения половой зрелости, относящейся к 18 — 19 годам, — к этому времени складывается уже окончательно взрослый человек.

В настоящее время, с развитием учения о внутренней секреции и о гормонах, можно связать эти узловые точки в развитии детского организма с некоторыми стадиями развития желез внутренней секреции. На развитие вообще имеют большое влияние железы полового аппарата, собственное развитие которых сдерживается другими железами. В первые годы жизни половым железам противодействует шишковидная железа (эпифиз), которая, как раз к 7 годам, атрофируется. С прекращением ее тормозящего действия первый цикл развития закончен, и человек мог бы начать функционировать в половом отношении. К этому времени относится иногда и первое пробуждение полового инстинкта.

Однако шишковидную железу тотчас же сменяет зобная железа, точно так же задерживающая развитие половых желез. Она развивается до 12 — 13 лет и затем подпадает атрофии. Половые железы опять оказываются свободными и могли бы действовать. И, действительно, в этот период опять наблюдается иногда пробуждение сексуального чувства. Существует, повидимому, все же какой-то третий тормозящий аппарат, задерживающий развитие половых желез и пока еще не открытый. Половой инстинкт остается в скрытом состоянии, иногда выражаясь в беспокойстве, нервности характера, в неясных стремлениях и немотивированных поступках. Это так называемый «переходный возраст», когда мальчики бывают особенно несносно. Лишь к 18 годам заканчивается этот третий цикл, созревает окончательно освобожденный от тормозящего влияния половой аппарат, и вполне пробуждается половой инстинкт.

Таким образом данные о существовании в детском возрасте трех узловых точек, совпадающие с приведенными выше самонаблюдениями, находят себе и некоторое физиологическое объяснение.

Но каким же способом возможно проверить существование и дальнейшей волнообразности жизни? Ясно, что для этого наилучшим материалом могут служить биографии великих людей, выделившихся на интеллектуальном поприще. Их жизнь является и наилучше исследованной многочисленными биографами, и отмечена как бы вещественными доказательствами их интеллектуальной деятельности — продуктами их творчества.

Около половины книги Н. Я. Пэрна посвящено рассмотрению биографий выдающихся людей с этой точки зрения. Он берет биографии 20 крупных деятелей из различных областей творчества: Бетховена, Рихарда Вагнера, Моцарта, Глинки, Шуберта, Шумана, Пушкина, Гёте, Шиллера, Байрона, Гейне, Гоголя, Канта, Спинозы, Рембрандта, Гельмгольца, Р. Майера, Жерара, Дэви и Либиха.

Подвергая биографии этих деятелей исследованию статистическим методом, — именно, нанося на графике их произведения в виде столбиков на горизонтальной прямой, разделенной соответственно годам жизни, можно обнаружить, что порыв к творчеству проявляется не всегда с одинаковой силой, — есть годы особенно плодотворные и годы ослабления. Затем оказывается, что эти подъемы творчества наступают через определенные, почти правильные промежутки времени, в большинстве случаев довольно хорошо совпадающие с теми «узловыми точками», которые наметились путем исследования дневников. Кроме того, обнаруживается, что каждая «узловая точка» не только соответствует повышению интеллектуальной жизни, но и является некоторым поворотным пунктом, переходом к новому характеру творчества, выдвиганием новых задач, новых людей в творчестве.

Мы не имеем возможности здесь рассмотреть все или хотя бы большинство приводимых биографий и отсылаем интересующихся к подлиннику, но для того, чтобы показать, насколько точно совпадают подъемы творческой мысли с этими «узловыми точками», рассмотрим, для примера, вкратце биографию Бетховена, Гёте и Пушкина.

Бетховен родился в 1770 году и уже в 1782 году написал первые три фортепьянные сонаты. Это первое пробуждение творчества на 12 году соответствует «второму узлу» жизни. Затем последовал ряд лет, когда талант его постепенно развивался, но сочинения его, в общем, не представляли ничего особенного. Период 18 — 19 лет — «третий узел» жизни — также ничем особенным не ознаменовался, и лишь в конце 1794 года началось пробуждение гения. К этому периоду, падающему на 25 — 26 год жизни, относятся его первые трио, первые фортепьянные сонаты, романс «Аделаида» и несколько позднее соната «Патетик» и целый ряд других первоклассных произведений, отличающихся глубиной мысли и новизною настроений. Этот период может считаться волною философского углубления музыки и совпадает с «четвертым узлом» жизни.

Последующие годы до начала 1802 г. хотя и были богаты сочинениями, но в них не было в полной мере того истинно бетховенского блеска, который так ярко сказывается в предыдущем периоде. Период 1802 — 1804 г. г., когда Бетховену было около 32 лет, соответствует «пятому узлу» жизни и ознаменовался новым расцветом его таланта. К нему относится его третья симфония, фортепианные сонаты *Cis-moll* (op. 27), *D-moll* (op. 31) и скрипичная *A-dur*.

После 1804 года наблюдается опять некоторое ослабление силы творчества великого композитора, но с 1806 года наступает новое пробуждение его гения, достигающего своего апогея в 1808 году. К этому периоду относятся лучшие произведения Бетховена — 5 и 6-ая симфонии, музыка к «Эгмонту», квартет op. 95 и др. Притом этот период отличается совершенно особым колоритом: в произведениях его, среди глубочайшей сосредоточенности мысли, звучит что-то властное и могучее, какая-то железная упругость и мощность тем, отличающихся широким обхватом и всечеловечностью своих идей.

С 1812 года гигантский порыв творчества начинает утихать, и лишь в 1814 году наступает новый подъем — «седьмой узел» жизни, соответствующий 44 году жизни. Творения этого периода носят отпечаток самоуглубления и грусти и резко отличаются от произведений последующего периода, относящегося к 1819 — 1821 г.г., когда творения Бетховена — «Торжественная месса» и три лучшие его сонаты (op. 109, 110 и 111) — полны созерцательно-мистического настроения.

Перед смертью (1827 г.) Бетховен был полон новых идей и иных настроений и, может быть, если бы он не умер, мы увидели бы новый подъем творчества, соответствующий новому узлу жизни.

Мы видим, как вся творческая деятельность великого гения разбивается на ряд отдельных периодов подъема и периодов относительно спокойного развития или даже остановки и между ними почти правильные промежутки в 6—7 лет. Творчество не развивается равномерно и непрерывно, а представляет собою как бы ряд волн, набегающих и спадающих одна за другою.

Такую же картину представляет собою творчество величайшего германского поэта Вольфганга Гёте. Он родился в 1749 году, и на 11—12 году жизни, соответственно «второму узлу», наблюдается первое пробуждение его артистического таланта, — он увлекается живописью, театром и пробует свои силы в лирике. Но более ясно его поэтический дух проявился только в Лейпциге, во времена студенчества, когда ему было 17—19 лет. Этот период его жизни можно считать проявлением «третьего узла». После этого наступает некоторый перерыв и лишь с конца 1771 года начинает формироваться творческая волна, разросшаяся скоро в бурный порыв — «период бури и натиска», соответствовавший «четвертому узлу» — от 23 до 26-летнего возраста. «Гёц фон-Берлихинген», «Вертер», «Клавиво», начало «Фауста», «Эгмонта» и «Тассо» — относятся к этому времени.

Затем наступает некоторый перерыв и только в 1779 году вновь пробуждается творчество, при чем происходит и перелом во внутреннем духовном

облике поэта: он переходит к исканию более совершенных и строгих форм. К этому периоду, падающему на возраст 30 — 33 лет, относится создание «Ифигении», окончание «Тассо» и «Эгмонта», создание лучших баллад.

Далее следует опять перерыв с 1783 по 1785 год, когда творчество Гёте было мало продуктивно. Начиная с 1785 года, снова поднимается волна, и вместе с тем творчество поэта опять меняет характер, — оно отличается теперь строгой классичностью и величавостью. «Вильгельм Мейстер», переработка «Ифигении», «Тассо» и «Эгмонта», «Римские элегии» относятся к этому времени.

После этого снова перерыв с 1789 по 1792 год, заполненный мелкими и мало удачными произведениями и характеризовавшийся подавленным душевным настроением. В 1793 году начинается новое оживление, соответствующее новой волне, относящейся к возрасту 44—48 лет — к «седьмому узлу» жизни. «Рейнеке Лис» и «Герман и Доротея» характеризуют этот период, отличающийся стремлением к реальным, простым, жизненным образам в особом полу-символическом освещении.

После 1797 года наступает перерыв, и далее нельзя уже проследить таких правильных подъемов и опусканий волн творчества Гёте чрез столь правильные промежутки. Волнообразность здесь также заметна при внимательном рассмотрении, но волны короче, как бы сближаются и заходят одна на другую. Возможно, что в данном случае происходит такое же комбинирование двух волновых течений разной частоты, какое наблюдается иногда и при изучении биологических ритмов.

Сходные «узлы жизни» можно подметить и в истории развития творчества Пушкина. Он родился в 1799 году, и первая вспышка его творчества относится уже к 1810 году, т. е. к 11-му году его жизни, что соответствует «второму узлу»... Первые крупные его произведения относятся, однако, к 1817 — 1820 г.г. («Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Братья-разбойники»), — это «третий узел» (18 — 21 год), характеризующийся романтизмом с его жгучими красками и сильными страстями.

После некоторого перерыва, с конца 1823 года, начинается опять подъем с поворотом к изображению простой, искренней жизни. В течение 1823 — 1826 г.г. Пушкин пишет «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова». Затем следует «Граф Нулин», «Полтава», «Арап Петра Великого». Нетрудно видеть здесь новую волну творчества, соответствующую «четвертому узлу» жизни — 25 — 26 годам. Затем следует некоторый перерыв в деятельности, и только в 1830 году Пушкин, по словам одного из биографов, «почувствовал новый порыв к творчеству». Он оканчивает «Евгения Онегина» и пишет «Домик в Коломне» «Моцарта и Сальери», «Скупого рыцаря» и целый ряд своих очаровательных «сказок». К этому же периоду серьезного и пронизанного истинно народным духом творчества относятся и несколько позднее написанные (1832 — 1833) «Медный всадник», «Русалка», «Капитанская дочка», «Повести Белкина».

После этого подъема наступает опять перерыв в творчестве поэта, длившийся до самой его смерти (1837), которая застала его, быть может, перед

самым началом новой волны творчества, — согласно с наблюдаемым у других великих людей, ее можно было ожидать в возрасте 37 — 38 лет.

Длинный ряд других разобранных Н. Я. Пэрна биографий великих музыкантов, художников, писателей, философов и ученых подтверждает ступенчатое, волнообразное течение творческой жизни и существование особых «узловых точек», совпадающих обыкновенно с годами жизни: 6 — 7 лет, 12 — 13 лет, 18 — 19 лет, 25 — 26 лет, 31 — 32 лет, 37 — 38 лет, 43 — 44 лет, 50 — 51 лет и т. д. Эти узловые точки характеризуются: 1) проявлением и усилением духовной жизни и творчества, 2) некоторым качественным изменением характера творчества и 3) особой чувствительностью организма. Последняя выражается в периодичности многих душевных заболеваний, совпадающей с теми же узловыми точками жизни, как показывает целый ряд наблюдений психиатров.

Каждый период жизни между двумя узловыми точками соответствует до известной степени той или другой из рассмотренных выше волн биологического ритма, и основой его являются, надо думать, изменения, связанные с ритмической деятельностью желез внутренней секреции, а может быть, и других органов тела.

В жизни человека, особенно в его духовной деятельности, мы видим, следовательно, сложный синтез всех процессов в организме, особый «процесс жизни», сам по себе составляющий нечто целое и, как таковое, протекающий периодически, с соблюдением особого ритма.

Грандиозная картина ритмов, слагающихся в ритм жизни, раскрывается перед нами. Из мельчайших ритмов в доли секунды слагается ритм тканей тела. Более длительны периоды и более сложные ритмы органов. Еще более длительные волны видим мы в биологических периодах, например, в половой жизни. И, наконец, высший синтез, поток жизни, в который входит вся совокупность всех процессов, слившихся воедино, требует наиболее длительных волн, измеряемых годами.

Невольно рождается мысль: находится ли здесь предел, не идет ли синтез и далее? Не слагаются ли волны жизни отдельных личностей в еще более могущественные колебания, в приливы и отливы исторических волн? Одним словом, — не существует ли и исторического ритма?

Автор рассматриваемого нами произведения отвечает на этот вопрос утвердительно. Он видит и в истории человечества ритмические колебания, волны подъема и падения народного духа с периодами приблизительно в 600 лет. Однако эта часть его сочинения является наименее развитой и наиболее спорной, — она лишь намечена и требует дальнейшей разработки. Но возможность такой периодичности, конечно, не исключена, — напротив, на наш взгляд вполне вероятно, — разумеется, чем сложнее синтез, тем труднее уловить ритм, тем более он затмевается побочными обстоятельствами!

Мы видим, сложна, чрезвычайно сложна жизнь, но во всех своих проявлениях она подчинена единому и всеобъемлющему закону ритма!..

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>А. Караваева. Медвежатное. Повесть</i>	3
<i>Ф. Гладков. Цемент. Роман (продолжение)</i>	47
<i>Арт. Веселый. Стужа родная. Из романа</i>	82
<i>Вл. Лидин. Уига. Рассказ</i>	104
<i>Бор. Пильняк. Гибель „Свердрупз“. (Глава из пов. „Заволочье“)</i>	113
<i>И. Бабель. Из дневника</i>	125
<i>СТИХИ: С. Есенина, И. Сельвинского, Д. Багрицкого, Д. Семеновского, Н. Колоколова, Д. Алтаузена, О. Колычева</i>	132
<i>Д. Сверчков. А. Ф. Кердский (окончание)</i>	145
<i>Н. Осинский. Мировой сельскохозяй. кризис — приостановка или перелом</i>	167
<i>Г. Яковин. Политика как наука</i>	201
<i>П. Ю. Шмидт. Ритм жизни и творчество</i>	216

За рубежом

<i>М. Танин. Франция и Америка</i>	228
------------------------------------	-----

От земли и городов

<i>А. Зорич. Во тьме</i>	240
--------------------------	-----

Литературные края

<i>Н. Бухарин. О формальном методе в искусстве</i>	248
<i>А. Лежнев. О группе пролет. писателей „Перевал“</i>	258
<i>П. Марков. Современные вктеры: М. А. Четов</i>	267
<i>В. Полянский. „Железный по.ок“ Серафимовича</i>	275

Библиография

<i>Рецензии: К. Зелинского, В. Правдухина, А. Лежнева, Ф. Жица, И. Бра- славского, М. Косвена</i>	286
---	-----

Объявления